

МИХАИЛ ХУДЯКОВ

ОЧЕРКИ
по истории
КАЗАНСКОГО
ХАНСТВА

1438 — 1552

СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ
И ПАДЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОГО
ГОСУДАРСТВА
В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Михаил Георгиевич Худяков
Очерки по истории Казанского
ханства. Становление, развитие
и падение феодального
государства в Среднем
Поволжье. 1438–1552 гг.

prussol

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68473267

Очерки по истории Казанского ханства. Становление, развитие и падение феодального государства в Среднем Поволжье. 1438—1552

гг. / Худяков М.Г.: Центрполиграф; Москва; 2022

ISBN 978-5-9524-5886-4

Аннотация

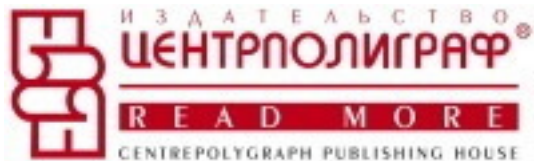
Книга посвящена истории Казанского ханства со времен наивысшего могущества до завоевания территорий Иваном IV и утраты независимости в середине XVI в. Автор описывает политическое и экономическое устройство региона, быт и повседневную жизнь поволжских татар, освещает сложные вопросы соседства двух обширных государств, одно из которых в конце концов поглотило другое, а также взаимопроникновение культур и усиление связей между двумя народами.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	16
Возникновение Казанского ханства. Улу Мухаммед	26
Преемники Улу Мухаммеда. Война 1467–1469 годов	43
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Михаил Худяков
Очерки по истории
Казанского ханства.
Становление, развитие
и падение феодального
государства в Среднем
Поволжье. 1438–1552 гг

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф»,
2022

Предисловие

История Казанского ханства представляет выдающийся интерес по многим причинам. Помимо общего права на внимание, как история обширного государства, она имеет специальное значение для историков общей, восточной и русской, культуры. Государственный организм, возникший посредством прививки сильной военной власти к основе местной старинной культуры, сразу выступил во всеоружии своей мощи и имел все шансы на долгое существование, но дальнейшее экономическое развитие Восточной Европы сложилось не в его пользу. Ход казанской истории в значительной степени обусловлен влиянием соседнего Русского государства и представляет яркий пример взаимной борьбы двух государств, из которых одно находилось в устойчивом состоянии, с давно сложившимися экономическими отношениями, другое же, вначале более слабое, чрезвычайно быстро прогрессировало, переросло своего соседа, с которым было тесно связано экономически, и, наконец, поглотило его.

История Казанского ханства наполнена обороной от своего соседа, которая сопровождалась сложными процессами внутри государства: экономические отношения провели в государственном организме водораздельную линию и разбили его на два различных уклона. Одно течение старалось приспособиться к давлению со стороны внешних врагов и

выработать формы симбиоза: сначала – в виде союза, затем – в виде личной унии двух государств. Другое течение старалось решительно отмежеваться от внешних врагов и вело борьбу за свою полную независимость, на условиях взаимного равновесия обоих держав. Такая борьба двух течений сопровождалась эволюцией политической мысли и ростом государственного самосознания; она была богата яркими моментами, выдвинула немало талантливых деятелей и заслуживает большого внимания. Для желающих изучать процесс поглощения экономически отсталого государства более сильным и процесс борьбы государства за существование история Казанского ханства представляет отличный материал.

Для историка восточной, в частности татарской, культуры история Казанского ханства представляет не менее значительный интерес, благодаря своеобразию тех условий, в которых она развивалась. Казанское ханство представляло собою крайний северо-западный угол обширного татарского мира, заброшенный в лесную страну, с оседлым коренным населением и со старинной местной культурой. Развитие татарской культуры происходило здесь в совершенно особенной обстановке и в постоянном соприкосновении как с местной, так и с иностранной, русской, культурой. Сочетание старинного населения с военной организацией государства, принесенной извне, сложный узел экономических отношений, международный товарообмен, рабовладельческое хозяйство и хищническая эксплуатация природных богатств

– все это составляет своеобразный уголок восточной культуры в пределах Европы, заслуживающий большого внимания.

Русских историков история Казанского ханства интересовала лишь как материал для изучения продвижения русского племени на восток. При этом надо отметить, что они преимущественно уделяли внимание последнему моменту борьбы – завоеванию края, в особенности – победоносной осаде Казани, но оставили почти без внимания те постепенные стадии, которые проходил процесс поглощения одного государства другим. Экономическая сторона процесса нашла освещение лишь в новейших трудах М.Н. Покровского и Н.Н. Фирсова. Но кроме этих сторон – политического и экономического продвижения русского племени на восток, история Казанского ханства дает обширный материал для изучения еще одного вопроса, до сих пор совершенно не освещенного, – для изучения тех элементов, из которых сложились русская государственность и культура. Если влияние татарской культуры на русскую не приходится отрицать, то русские историки не могут пройти без внимания мимо истории Казанского ханства, с которым русское государство было связано наиболее тесными узами.

История Казанского ханства едва ли когда-либо будет исследована с желаемой полнотой. Причина этого заключается в том, что погибли главнейшие, основные источники – государственные архивы Казанского ханства. Мы знаем, что дипломатические сношения с иностранными государствами

в Казанском ханстве всегда облекались в форму писанных договоров и обширной дипломатической переписки, подобно той, которая сохранилась до нас от сношений Ногайского княжества и Крымского ханства с русским правительством. Гражданские отношения внутри государства постоянно регулировались письменным делопроизводством – в писаной форме велись судебные иски, торговые контракты и сделки, договорные акты; обширные реестры и списки в форме переписных книг велись правительством с целью податного обложения жителей. Для хранения бумаг и документов существовали архивы, к сожалению без остатка погибшие от руки завоевателей. Исчезли основные источники, и историю ханства приходится реконструировать по незначительным обломкам второстепенных источников, которые никогда не смогут в полной мере восполнить утрату.

Среди татарских источников можно отметить лишь очень немногие. Сюда относится «Изложение болгарских повествований» Хисамуддина, сына Шереф-эддина, составленное в 1551 году в деревне Таш-Буляки (Ташбилга) в Спасском уезде. К числу редких документов принадлежат ханские ярлыки, один из которых, относящийся к царствованию хана Сагиб-Гирея, открытый в 1912 году в Мамадышском уезде С.Г. Вахидовым, был опубликован Атласовым. Можно надеяться, что с течением времени число подобных источников увеличится.

Более обширные материалы содержатся в русских источ-

никах, из которых следует отметить Воскресенскую, Никоновскую и II Софийскую летописи, для 1530-х и 1540-х годов – «Царственную книгу», для похода 1552 года – «Историю великого князя Московского» князя

А. М. Курбского. Отличным выражением завоевательной идеологии русских империалистов того времени служит «Казанский летописец» – очень ярко написанное литературное произведение, преломляющее исторические события сквозь призму тенденциозной фантазии. Драгоценные крупинки сообщений, касающихся Казанского ханства, рассеяны в дипломатической переписке русского правительства с ногайским, крымским и турецкими дворами. Памятники этих сношений изданы в русских текстах и переводах: «Древняя Российская вивлиофика», ч. 27–31 (Дела Ногайские; Московский архив Министерства иностранных дел); «Продолжение Древней Российской вивлиофики»; «Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные из Московско главного архива Министерства иностранных дел, изд. Вельяминовым-Зерновым (СПб., 1864); «Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма»

В. Д. Смирнова (СПб., 1881); «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турциею», изд. Русского исторического общества (СПб., 1886); «Сборник материалов, относящихся к Золотой Орде» Тизенгаузена (СПб., 1884) и т. д.

Любопытные детали, относящиеся к отдельным моментам в истории Казанского ханства, находятся в иностранных источниках: в турецких дипломатических документах; в крымских источниках, которыми пользовался Ланглее при составлении своего труда *Notice chronologique des Khans de Crimée* (в приложении к его *Voyage du Bengale a Petersbourg*. Т. III. Париж, 1802); в сочинении Кайсуни-задэ Недаи (он же Рем-мал Ходжа) «Тарихи Сахыб-Герай-хан» (рукопись Санкт-Петербургского университета № 488); в «Записках о Московии» С. Герберштейна и др.

Обработку русских источников мы находим у всех русских историков, касавшихся Казанского ханства попутно в связи с его покорением: у князя Щербатова, Карамзина, Соловьева и т. д. Специально Казанскому ханству посвящены компилятивные работы Рычкова, Рыбушкина, Фукса, Бажанова, Перетятковича, Пинегина и Загоскина. Общим недостатком всех этих трудов является тенденциозность, отводящая Казанскому ханству слишком пассивную роль и проникнутая сильным патриотическим фанатизмом, который доводит изложение фактов до карикатурного искажения; от подобных тенденций не свободен даже такой авторитетный ученый, как С.М. Соловьев. Объективный свод фактических справок и материалов дал профессор Вельяминов-Зернов в своем «Исследовании о Касимовских царях и царевичах», где он с исчерпывающей точностью привел сведения о ханах Улу Мухаммеде, Али и особенно о Шах-Али. Лишь в

новейшее время вышли в свет труды М.Н. Покровского и Н.Н. Фирсова, свободные от патриотической тенденциозности. Татарские историки также посвятили ряд произведений истории Казанского ханства: сюда принадлежат труды Марджани, Г. Ахмарова, Батталова, Валидова, Амирханова и большая работа Атласова «Казанское ханство» («Казан ханлыгы»). Последним словом в области историографии Казанского ханства является работа Г. Гасиса (Г.С. Губайдуллина) «Татарская история» («Татар тарихи»).

Скудость писанных источников заставляет придавать большое значение различным пережиткам старины, до сих пор живущим в сознании и быту казанского народа. Сюда относятся: 1) памятники языка; 2) предания; 3) вещественные памятники; 4) бытовые понятия и 5) остатки обычного права. Эти категории памятников имеют особое значение, ввиду утраты писанных документов. В языке сохранилось много старинных переживаний, связанных с давно отжившею стариной, различных терминов и названий, которые могли бы помочь уяснить структуру и технику государственного строя и общественных отношений эпохи Казанского ханства. Предания могут нам осветить ряд вопросов, относящихся к отдельным лицам, местам и событиям, оставившим след в истории Казанского ханства. Вещественные памятники (надгробные плиты, книги, развалины, находки, бытовые предметы) могут содействовать уяснению распространения и интенсивности татарской культуры в эпоху Казанского ханства.

Бытовые понятия, народные обычаи и обряды также могут вскрыть некоторые стороны старой культуры, ныне уже забытые, затемненные или утраченные. Наконец, юридические понятия, как и памятники языка, могут заключать в себе отражения государственного и общественного строя Казанского ханства и уяснить взаимоотношения между отдельными группами населения, существовавшие в старину. Эти памятники необходимо подвергнуть тщательному исследованию и обработке. Этот предмет еще ждет своих исследователей и обещает в будущем вызвать появление обширной литературы.

Приступив к составлению настоящей работы, мы далеки от намерения дать в ней освещение или хотя бы затронуть историю Казанского ханства во всей ее полноте. Это – дело, быть может, далекого будущего, и задача не одного отдельного лица, а коллективных трудов целого ряда ученых. История Казанского ханства должна быть освещена не в одной исчерпывающей работе, а в целой литературе, которую создадут совместные усилия историков, архивистов, этнографов, историков права и других ученых. Разумеется, мы далеки от каких-либо смелых претензий. Целые категории источников остались нам недоступными, и наша работа совершенно не претендует на полноту. Автор взялся за перо лишь с исключительной целью обратить внимание знатоков и специалистов на данный предмет, имеющий так много права на разработку и до сих пор так мало исследованный.

Автор считает своим долгом принести благодарность Гаязу Максудову и Г.С. Губайдуллину, которым настоящая книга обязана своим появлением, профессору Н.Н. Фирсову, который с неизменным сочувствием относился к работам автора, и покойному ныне М.И. Лопаткину, который открыл автору доступ к пользованию книгами из своей библиотеки. Особенную признательность автор выражает

С.Г. Вахидову, любезно предоставившему возможность использовать при составлении настоящей работы подлинный текст открытого им ярлыка Сагиб-Гирея. Глубокую благодарность автор приносит семейству И.В. и П.Д. Петровых, своей великодушной поддержкой постоянно облегчавшему те тяжелые материальные условия, в которых создавалась настоящая книга.

Глава 1

Период могущества ханства (1438–1487)

Казанское ханство занимало обширную территорию в Среднем и Нижнем Поволжье. Эта территория включала в себя земли двоякого рода: 1) основное ядро государства, населенное татарским народом, и 2) обширные подвластные земли, населенные другими народами и состоявшие в даннической зависимости от Казанского ханства. Границы основной, татарской территории определяются сопоставлением свидетельств источников трех категорий: 1) надгробными памятниками, уцелевшими на старинных кладбищах мусульман; 2) перечислением селений в книге Хисамуддина; 3) современным распространением татарского населения. Древнейшими центрами основной территории являлись старинные, еще болгарские, города Булгар, Сувар и Биляр, и, таким образом, ядром государственной территории следует считать местность между Волгою, Камою и рекой Малым Черемшаном, то есть современный Спасский уезд. Древние татарские кладбища, перечисление которых приведено в книге С.М. Шпилевского, расположены в следующих селениях: в Мамадышском уезде – деревня Ядыгар; в Лаишевском – деревня Тербердины Челны на реке Шумбуте, деревня Чи-

та, село Рождественское (Укречь) Тангачи и Таш-Кирмень на реке Меше; в Казанском уезде – Иски-Казань (деревня Князь-Камаево), деревня Собакино (Янчурино), Архиерейская дача (на озере Дальнем Кабане), село Хотня, деревня Кара Дуван; в Царево-Кокшайском уезде – деревня Уджум, в Чебоксарском уезде – деревня Карабаш (Елашево), деревня Идельмес, деревня Ямская, деревня Кадергина, деревня Ново-Алексеевское; в Козмодемьянском уезде – деревня Чашлама, деревня Кульгешево, село Янцыбулево; в Цивильском уезде – деревня Елюй-Касы, деревня Атлашево, деревня Ураево; в Свияжском уезде – деревня Маматкозино-Сеитово; в Тетюшском уезде – город Тетюши, Тетюши Урюм, Тетюши Кулганы, Тетюши Куштова, село Байтеряково, деревня Большие Яльчики. Самым западным пунктом, где имеется старинное мусульманское кладбище, служит город Васильсурск, расположенный на древней границе Казанского ханства с Россией.

Территория, очерчиваемая Хисамудином, не имеет такого значительного распространения на запад от Волги, зато простирается на восток далеко за пределы бывшей Казанской губернии, что не входило в обзор С.М. Шпилевского. Хисамуддин перечисляет следующие татарские селения: города Казань, Айша, Казанбаш (Казанского уезда), Старый Уджум (Царево-Кокшанского уезда), Старые Ширданы, Имелла (Буртасы) и селения при устье реки Свияги (Свияжского уезда), Тетюши, Большие Кокузы (Тетюшского уезда),

Казаклар, Бердебяковы и Кутлу-Букашевы Челны (Лайшевского уезда), Бахта (Чистопольского уезда), при источнике Гизляу (у реки Черемшана), при слиянии рек Кичу и Шешмы, по рекам Шешме, Большому и Малому Черемшану (в Чистопольском уезде), селения Адаево и Казаклар в Малмыжском уезде, города Елабугу, Мензеле, селения Кипчак и Термэ по реке Диму, Тугашхан по реке Белой, Субай, Заю, Иринэ, Чалли, Бай-Чжуре при истоке реки Ика, Уршак, Аи, по реке Уфе и т. д.

Современная территория расселения казанских татар довольно точно совпадает с границами Татарской республики, удовлетворяющими этнографическому принципу, Сравнивая современную карту с местами древних поселений, мы видим, что 1) татары утратили территорию вокруг Казани, откуда они были вытеснены сильным притоком русской колонизации; в настоящее время нет татарских селений, отстоящих от Казани менее чем на 45 верст, несмотря на то что названия русских сел и деревень пестрят татарскими именами; запустело ядро древней болгарской территории – черноземный Спасский уезд, куда также хлынула волна русских переселенцев, вытеснены были мусульмане с западной окраины ханства с территории между Сурой и Свягой. Но зато раздвинулась татарская территория несколько к северу: эмигранты из-под Казани заселили бассейн реки Шешмы. Восточная граница, наиболее удаленная от натиска русской колонизации и соприкасавшаяся с мусульманскими населени-

ями башкир, оказалась более устойчивой и уцелела почти в прежних пределах.

В общем же можно считать, что основное ядро Казанского ханства, имевшее татарское население, почти совпадает с территорией Татарской республики. Понятно, при этом следует помнить, что тогда не было тех разрывов в сплошном расселении казанских татар, которые ныне оказались заполненными сплошными островами русского населения.

Инородческие территории, окружавшие основное ядро Казанского ханства, можно сравнивать с теми колониальными волостями, которые окружали Новгородские пятины в эпоху независимости Новгородского княжества. Пространство этих подвластных территорий определяется народами, платившими дань Казанскому ханству, подобно тому как Россия в эпоху татарского ига составляла территорию, подвластную ханам Сарайским. В состав Казанского ханства входили: 1) мордва, 2) чувашаи, 3) черемисы, 4) вотяки. Сопоставляя границы современного расселения этих народов, мы должны включить в пределы Казанского ханства территорию Татарской республики, областей Марийской и Чувашской, губерний Симбирской, Пензенской, Саратовской и Тамбовской, на севере – часть Вятской губернии, всю Вотскую область, а на северо-востоке небольшую часть Пермской губернии.

На востоке Казанское ханство граничило с обширным Ногайским княжеством, на юге – с Астраханским ханством, на

юго-западе – с Крымским ханством, на западе – с Московским государством, на севере – с Вятской общиной, которая в конце XV века также была присоединена к Москве. Государственная граница Казанского ханства точнее всего известна на западе – здесь она шла по Суре и Ветлуге. На севере граница определяется позднейшей границей Поморья с Понизовыми землями; эта граница оставляла к северу от себя уезды: Котельничский, Орловский, Нолинский, Вятский и Слободской, а к югу – уезды Яранский, Уржумский, Малмыжский и Глазовский, то есть шла по Пижме, от устья последней до устья реки Вой – по реке Вятке, включала в Казанское ханство весь бассейн реки Кильмези, большую часть бассейна Чепцы и верховья Камы, не достигая города Кая, куда успела проникнуть русская колонизация. На востоке Казанскому ханству принадлежали районы Сарапула и Елабуги, но позднейшая Уфимская губерния, за исключением Мензелинского уезда, целиком входила в состав Ногайского княжества: современные Нагайбак, Уфа и Стерлитамак находятся на территории прежнего Ногайского государства. Бугульминский и Мелекесский уезды, населенные татарами, очевидно, входили в состав Казанского ханства, но Самарская степь фактически принадлежала кочевавшим по ней ногайцам. Правый берег Волги составлял владение Казанского ханства вплоть до Царицына. Здесь были города Синбир, Сара-Тау (Саратов) и Сары-Тин (Царицын), перечисленные в сочинении Хисамуддина.

Перетяткович говорит: «Нельзя не указать на одну особенность Казанского царства – на чрезвычайно малое количество в нем городов. Кроме самой Казани, упоминается только Арский городок... Вне этих городов в Казанском царстве упоминаются еще остроги и крепости по Арской дороге и в нагорной стороне, в земле чуваш»¹. Это указание основано на недоразумении. Как известно, в русских источниках городом называется крепость, укрепленное поселение, и отсутствие в Казанском ханстве крепостей нельзя понимать как отсутствие в нем городов в современном смысле, как населенных торговых пунктов и административных центров. Местная культура выдвинула иной тип городского строительства, чем в России, – не военное, а мирное, торговое поселение, каких в Казанском ханстве имелось, конечно, немало. Перетяткович искал «городов»-крепостей и просмотрел неукрепленные города. Напротив, мы знаем, что в Казанском ханстве было достаточное количество обширных поселений, которые вполне могли называться городами в современном значении, так как их население занималось не только сельским хозяйством, но также ремеслами и торговлей. Таковы были, несомненно, населенные пункты по берегам водных путей – Елабуга, Синбир, Сары-Тау, Тетюши, Лаишев.

Основная территория Казанского ханства разделялась в административном отношении на несколько «даруг», или податных участков, которые в русских источниках отожд-

дествлялись с дорогами, ведущими из Казани в Галич, Ал ат, Арск, Зюри и в Ногайскую землю. Центрами трех из этих «даруг» служили города Алат, Арск и Зюри. На горной стороне Хисамуддин упоминает город Алатур, то есть Алатырь. Что касается инородческих территорий, то казанцы не имели здесь постоянных органов администрации, но посылали ежегодно зимою сборщиков дани, в сопровождении вооруженных отрядов, для сбора податей в виде ясака. На территориях, населенных инородцами, были настоящие укрепленные городки, где жили туземные князья, тарханы и прочие «волостели», платившие дань в казну Казанского ханства.

Основное население Казанского ханства составляли потомки древних болгар – старый, оседлый народ турецкого происхождения, задолго до возникновения Казанского ханства создавший в Среднем Поволжье государственную организацию, производивший в широких размерах торговлю и давно приобщившийся к мусульманской культуре. Центральной местностью, в которой сосредотачивалось болгарское население, был район между Волгою, Камою и рекой Малым Черемшаном, где были расположены главные болгарские города – Булгар и Биляр. В 1361 году произошло разрушение города Булгара ханом Булат-Тимуром, и в связи с этим опустошением совершился отлив населения из коренных областей Болгарского царства к окраинам, преимущественно на северную сторону Камы, покрытую в то время глухими лесами.

Ряд преданий, сохранившихся у казанских татар, говорит об этом передвижении болгар на север и об основании болгаро-татарских селений в лесах (Иски-Казань на реки Казанке, деревня Бурбаш на водоразделе Меши и Вятки, деревня Ишменево-Маскара в бассейне Вятки, деревни Урачкино, Янцобино и др.). Часть болгарских беженцев продвинулась еще дальше на север и осела на нижнем течении реке Чепцы, образовав поселения так называемых «каринских татар». Поселение болгар на Чепце совпало с основанием новгородскими и устюжскими колонистами русских городов и селений на Вятке (Никулицын, Хлынов, Котельнич), и поэтому Каринское княжество не смогло сохранить своего самостоятельного значения. Взаимоотношения каринских князей с русскими регулировались договорами, до сих пор еще не подвергавшимися специальному изучению. В 1467 году каринские татары могли составлять прочную опору казанцам при завоевании последними Вятской земли. Они удержали свою автономию вплоть до 1489 года, когда московское войско покорило Вятскую общину. Вместе с нею утратили самостоятельность и каринские татары; князья их были низложены и отвезены пленниками в Москву.

Перемещение земледельческого населения сопровождалось возникновением к северу от Камского устья, в самом северном пункте средневожского плеса, нового торгового и культурного центра – Казани, к которой теперь перешло значение главного города края.

Казанский историк Г. Ахмаров отметил целый ряд доводов в пользу того, что потомки болгарского народа после разрушения Болгарского царства продолжали существовать в составе народа, известного под названием казанских татар. Эти доводы сводятся к трем главным группам. Сюда принадлежат: 1) самосознание народа казанских татар, родовые воспоминания татар о своем болгарском происхождении, предания об основании болгарскими татарами татарских селений, почитание развалин Булгара и болгарских древностей как священных памятников своего национального прошлого; 2) тождество мест поселения как в общих пределах района, так и в отдельных пунктах; 3) преемственность оседлости и земледелия, врожденная способность к торговле, составляющая характерную черту как древних болгар, так и современных казанских татар, наконец, тождество материального быта, отмеченное в научной литературе, и единство духовной культуры.

Приток татарского элемента в Казанский край отмечен в русских источниках, которые говорят, что в 1438 году в Среднем Поволжье поселилось 3000 татар, пришедших из Крыма с ханом Улу Мухаммедом, в дальнейшем в Казань «начаша сбиратися мнози варвары от различных стран, от Златяя Орды, и от Асторохани, от Азуева и от Крыма». Казань, как торговый центр, несомненно, имела очень пестрый состав своих жителей, что же касается до массы земледельческого, оседлого населения, то вряд ли можно сомневать-

ся в том, что оно сохранило в своей основе старый болгарский народ. Казанское государство выступило на поприще исторической жизни сразу уже в виде зрелого организма, с прочно сложившимся бытовым и культурным укладом; оно совершенно не знало стадии постепенного формирования, и это явление может быть объяснено лишь древностью его населения и преемственностью культуры и расы.

История независимого Казанского ханства представляет собою лишь небольшой эпизод в многовековой жизни казанских татар. Она не совпадает с историей народа казанских татар, заселивших край ранее возникновения здесь самостоятельного государства и продолжающих свое существование в течение 400 лет после падения их независимости.

Возникновение Казанского ханства. Улу Мухаммед

Относительно года основания Казанского ханства и личности первого хана среди русских историков имеется разногласие. Обычно историки относят основание ханства к 1436 или 1437 году и приписывают его сарайскому хану Улу Мухаммеду. Но существует и другое мнение, представителем которого являлся профессор Вельяминов-Зернов; опираясь на сообщения Воскресенской и Никоновской летописей и на некоторые другие источники, он относил основание Казанского ханства к 1445 году и приписывал его сыну Улу Мухаммеда Махмуду.

Хан Мухаммед, имевший прозвище Улу, то есть «большой», в отличие от другого Мухаммеда – Кучук или Кичи, то есть «меньшего», был внуком знаменитого Тохтамыша и сыном сарайского хана Джеляль-уддина. После нашествия Аксак-Тимура в Сарай происходила ожесточенная борьба за престол, в которой конкурировали, главным образом, прежние ханы – Тимур Кутлу, ранее свергнутый Тохтамышем, и Тохтамыш, в свою очередь свергнутый Аксак-Тимуром. По смерти Тохтамыша претендентами на престол выступили его сыновья, которые и занимали Сарай один за другим, но ненадолго. С наибольшим успехом царствовал один из них – Джеляль-уддин, которому в 1411 году удалось в союзе с

литовским князем Витовтом свергнуть сына Тимура-Кутлу и занять ханский престол. Джеляль-уддин продолжал великодержавную политику своего отца. Он восстановил господство татар над Россией, расшатанное междоусобиями предшествовавших лет, заставил великого князя Василия (сына Дмитрия Донского) прибыть в Сарай и обязал его аккуратно платить дань (1412). После нового ряда переворотов, в конце 1420-х годов престол достался сыну Джеляль-уддина Улу Мухаммеду. В правление этого хана суверенитет татар над Россией постоянно поддерживался. В 1431 году на суд к Улу Мухаммеду приезжали московские князья, претенденты на звание великого князя – сын и внук Дмитрия Донского. Хан решил спорное дело в пользу внука, Василия Васильевича, и возведение последнего на престол было совершено в Московском Успенском соборе ханским послом. Правительство Улу Мухаммеда было достаточно состоятельным и настолько заинтересованным в международной политике, что могло в 1428–1429 годах отправить посольство в Египет².

В.Д.Смирновым была высказана³ догадка о тождестве Улу Мухаммеда с ханом Худай-Дадом («Куидадат»), который в 1423–1424 годах напал на литовский город Одоев и был разбит соединенным литовско-московским войском⁴, но догадка эта едва ли основательна, так как в указанное время Улу Мухаммед еще не был ханом Сарайским.

В 1436 году хан Мухаммед лишился престола, будучи низ-

ложен претендентами на ханскую власть. Татарские источники, которыми пользовался Ланглее, описывают события, сопровождавшие низложение Улу Мухаммеда, следующим образом. По вступлении на престол Улу Мухаммед приказал отыскать убежище смертельно раненного знаменитого князя Идиге (Едигея), главного приверженца династии Тимура Кутлу, и прикончить его. Сыновья Идиге, бежавшие вместе с племянником Тимура Кутлу Гыяс-эдди-ном в Россию, вернулись с 3-тысячным войском и напали на Улу Мухаммеда. Потерпев поражение, Улу Мухаммед удалился в Крым, победитель же Гыяс-эддин занял Сарай и вступил на ханский престол, но процарствовал недолго и год спустя (в 1437 г.) умер. В ханы был возведен внук Тимура Кутлу, юноша Кичи Мухаммед. «Вслед за этим произошло столкновение между счастливым Кючук Мухаммедом и Улу Мухаммедом... Первый сделал нападение Улу Мухаммед, удалившийся после поражения его Гыяс-эдди-ном в Крым... После нескольких сражений противники заключили договор, по которому все приволжские земли стали принадлежать Кючук Мухаммеду, а Крым достался Улу Мухаммеду. Затем Улу Мухаммед повздорил с эмиром Хайдэром, который пошел тогда к Сейид-Ахмет хану, потомку Тохтамыша, с предложением своих услуг для отнятия трона у обидевшего его Улу Мухаммеда. Они с войском пошли в Крым, а Улу Мухаммед, не надеясь устоять против них, убежал в Казань»⁵. Таким образом, мы видим, что после низложения с престолов ханов Сарайских

Улу Мухаммед в течение короткого времени был ханом в Крыму, откуда также был изгнан. Но в Казань он попал из Крыма не сразу. С 3-тысячным войском покинув Крымское ханство, Улу Мухаммед направился в пределы России. Надеясь на гостеприимство великого князя Василия, который получил московский престол из его рук, хан Мухаммед занял город Белев, находившийся на юго-западной окраине Московского государства, близ русско-крымской границы, и решил здесь обосноваться. Но московское правительство, может быть желая показать свою преданность царствовавшему в то время сарайскому хану, противнику Улу Мухаммеда, не оказало поддержки последнему и потребовало удаления его из пределов России. Против Улу Мухаммеда был послан отряд русского войска. 5 декабря 1437 года под Белевом произошла битва – «и множество бысть вой русских, а татар велими мало; и под город приидоша русстии полцы, и выехша татарове и почяша их сечи, а иные побегоша, и убиши Руси много велими... побиша рать русскую, тогда убиша бояр и князей множество, князь великий отъиде в мале дружине»⁶.

Имея опыт отторжения от Сарайского ханства независимого Крымского государства, самостоятельность которого была обусловлена договором с Кичи Мухаммедом, и не желая больше оставаться в негостеприимных пределах России в качестве эмигранта, Улу Мухаммед решил отторгнуть от Сарайского ханства другую часть его владений и обосноваться там в качестве независимого государя. С этой целью он

составил план восстановления самостоятельного мусульманского государства в Среднем Поволжье, каким было Болгарское царство. Покинув Белев, Улу Мухаммед выступил в Мордовскую землю и, проследовав мимо русской границы, достиг пределов Болгарии. После разгрома 1361 года и недавнего нападения русских под предводительством князя Федора Пестрого (1432), столица края город Булгар лежала в развалинах, и население, отхлынувшее на север за Каму – в более безопасные и глухие места, – стало сосредотачиваться вокруг нового центра – Казани. Поэтому хан Мухаммед избрал столицей своего государства не Булгар, а Казань, и новое ханство получило название Казанского ханства.

Ко времени занятия Улу Мухаммедом Казань была уже крупным городом и унаследовала от Булгара его торговое и политическое значение. При хане Джеляль-уддине в Казани был один из сарайских царевичей – Талыч, который в 1411 году, в согласии с политическими взглядами Джеляль-уддина, оказал поддержку нижегородскому князю Даниилу Борисовичу против Москвы и совершил нападение на Владимир. Русские летописи намекают на то, что Улу Мухаммед взял Казань силою и овладел городом лишь после убийства правившего там местного князя, которого Воскресенская летопись называет «Либеем», то есть князем Али, а Никоновская летопись – князем «Азыем», то есть Газы. Как указал профессор Вельяминов-Зернов, имя Газы является прозвищем («воитель») и впоследствии входило в состав титула ханов

Казанских, так что имена князей Али и Газы могли относиться не к двум разным, а к одному и тому же лицу⁷. Он же сделал попытку отождествить Казанского князя Али с князем Галимом, имя которого встречается в одной татарской рукописи в качестве основателя Казани и сына последнего болгарского хана Абдуллаха, погибшего при взятии Булгара Булат-Тимуром. Эту догадку вряд ли можно считать справедливою, так как от разорения Булгара в 1361 году до занятия Казани Улу Мухаммедом прошло около 80 лет, и вряд ли князь Али-Галим мог править в течение столь долгого времени; кроме того, летописи называют его «вотчичем», то есть наследственным князем Казанским, между тем как отец Галима хан Абдуллах был не князем Казанским, а ханом Болгарским.

Город, ставший столицей края, расположен в 100 верстах от Булгара, вверх по течению Волги, в том самом месте, где река круто поворачивает на юг; угол, образуемый течением Волги – гора Услон, – находится как раз напротив Казани. Город расположен при впадении в Волгу реки Казанки, последнего из волжских притоков, имеющих меридиональное направление. Местоположение Казани менее выгодно, чем Булгара, стоящего близ самого слияния Волги и Камы, но природою Казань еще сильнее укреплена. Подобно Булгару, она расположена на левом, луговом берегу Волги, в значительном расстоянии от реки. Такое положение города составляло условие, чрезвычайно выгодное для его обороны, в осо-

бенности со стороны русских: неприятелю приходилось переправляться через Волгу и по болотистой низменности подступать к крепости, расположенной на высоком мысу. Наиболее укрепленная природою часть города обращена как раз в сторону русских, а тыловая, наиболее слабая, – в противоположную сторону, тогда как если бы Казань была расположена на правом, горном берегу реки Волги, ее тыл был бы обращен в сторону русских.

Утвердившись в Среднем Поволжье, хан Мухаммед решил восстановить господство свое над Россией и заставить московского великого князя платить дань по-прежнему ему, а не сарайскому хану Кичи Мухаммеду. С этой целью он предпринял поход против русских. Весною 1439 года хан Мухаммед занял Нижний Новгород и победоносно дошел до самой Москвы. Великий князь был принужден поспешно уехать за Волгу, поручив оборону столицы одному из бояр. С 3 по 13 июня хан Мухаммед стоял под Москвой, но Кремля взять не мог. Тогда он сжег посады и отступил. На обратном пути казанское войско сожгло Коломну, затем возвратилось в Казань.

В течение пяти лет мирные отношения не нарушались, но в 1444–1445 годах хан Мухаммед предпринял второй, еще более удачный поход против русских. Поход начался осенью 1444 года взятием Нижнего Новгорода. Хан остался здесь зимовать и в январе 1445 года послал отряд против Муром. Натолкнувшись на значительное русское войско, казан-

цы потерпели поражение и отступили; Нижний также был ими оставлен. Но с наступлением весны поход возобновился. В апреле Нижний вновь был занят Улу Мухаммедом. Казанское войско под начальством царевичей Махмуда и Якуба вступило в Московские земли и дошло до Владимира. В генеральном сражении 7 июля в окрестностях Суздаля, у Спасо-Евфимиева монастыря, русские были разбиты, и сам великий князь Василий вместе со своим двоюродным братом князем Михаилом Верейским был взят казанцами в плен. Они были отвезены в Нижний к Улу Мухаммеду – старые знакомые встретились через 14 лет после того, как Василий Васильевич приезжал на суд к Мухаммеду в Сарай.

Великий князь согласился на все условия, которые были ему предложены. Он обязался дать огромный выкуп за себя, по одним известиям – «сколько может», по другим – «от золота и серебра, и от портища всякого, и от коней, и от доспехов пол-30 тысяч», по третьим – 200 тысяч рублей. В русские города были назначены казанские чиновники для сбора налога, и в обеспечение контрибуции казанцы получили доходы с некоторых городов в виде кормлений. 25 августа хан Мухаммед выступил из Нижнего в Курмыш⁸, и здесь 1 октября князь Василий был освобожден. Хан возвратился в Казань, вполне достигнув своей цели.

В Москве условия договора не были опубликованы; русским было известно, что «царь Улу-Махмет и сын его утвердили великого князя крестным целованием, что дать ему с

себя окуп, сколько может. А иное бог весть и они между собою...». В народе распространились самые тревожные слухи. Говорили, что Василий обещал отдать хану все Московское княжество, а себе оставил лишь Тверь. Еще до возвращения великого князя из плена против него назревало возмущение – народ не желал признать заключенного им договора. С Василием прибыло в Москву 500 казанских людей – «князья татарские со многими людьми». Они были назначены на различные административные должности и получили в кормление волости и города. С.М. Соловьев по этому поводу говорит: «И прежде Василий принимал татарских князей в службу и давал им кормление – средство превосходное противопоставить варварам варваров же... но современники думали не так: мы видели, как они роптали, когда при отце Василия давались литовским князьям богатые кормления; еще более возмутили их негодование подобные поступки с татарами, потому что в них не могла еще тогда погаснуть сильная ненависть к этому народу, и когда к тому же были наложены тяжкие подати, чтобы достать деньги для окупа»⁹. К этому времени относится выделение татарам в Мещерской земле (на Оке) особого удела – так называемого Касимовского царства, отданного, вероятно, в силу условий того же мирного договора во владение сыну Улу Мухаммеда царевичу Касиму. На образование этого удела нельзя смотреть как на добровольную меру русского правительства, – напротив, оно явилось одним из главнейших результатов одержан-

ной Улу Мухаммедом победы и первой попыткой ханов татарских вступить в непосредственное управление на Русской земле в качестве удельных князей. Русские историки имеют обыкновение изображать положение татарских царевичей, служивших в России в качестве удельных князей, унижительным и ничтожным. По отношению к касимовским царевичам это совершенно неприменимо: напротив, этим татарским ханам, севшим на Русской земле, московские и рязанские великие князья были обязаны платить дань – «выход» – совершенно так же, как они платили дань в Сарай и Казань, а впоследствии в Астрахань и еще в Бахчисарай. Об уплате рязанскими князьями постоянной дани касимовским государям «по старым дефтерем, по крестному целованию» говорится в договоре рязанских князей Ивана и Федора Васильевичей от 19 августа 1496 года¹⁰. Дань русско-го правительства в пользу касимовских ханов упоминается в договоре между сыновьями Ивана III от 16 июня 1504 года¹¹ в завещании Ивана III 1594 года¹² и была в полной силе еще при Иване IV, после покорения Казани, когда Россия торжествовала свою победу над татарами: «выход в Царевичев городок» упоминается в числе обязательств, принятых на себя князем Владимиром Андреевичем Старицким по отношению к Ивану IV от 12 марта 1553 года – «как дед наш князь великий Иван в своей духовной написал», наряду с выходами в Крым и Астрахань¹³. Русские историки не

без удивления констатировали этот факт уплаты русскими государями дани касимовским ханам, которые обычно рисуются жалкими подручниками московских великих князей и царей и безвольными исполнителями их приказаний. Вельяминов-Зернов говорит: «Оказывается, что в Царевичев Городок (Касимов), в пользу управлявшего им царевича, действительно шел от великого князя Московского „выход“, и что выход этот принимали в расчет при распределении между великим князем и удельными князьями денег, следовавших на „татарские проторы“»¹⁴. Разумеется, не может быть и речи о добровольном принятии Василием татар на службу, в силу хитроумного плана «противопоставить варварам варваров же», как думал С.М. Соловьев. Ни о каком противопоставлении татарам побежденный Василий в то время не смел и мечтать, и татары, назначенные в русские города, совершенно не думали забывать своей национальности. Они собирали контрибуцию – окуп за освобождение великого князя из плена – и, неся административную службу, получали «кормление» – доходы с Русской земли; таким образом татарам удалось переложить содержание части своих соотечественников на русский народ.

Татары, приехавшие в Россию, стали устраиваться здесь так, как им было желательно, и постепенно соорудили мечети в русских городах, где они поселились. Впоследствии русский посол в Турции заявил: «Мой государь не есть враг мусульманской веры. Слуга его, царь Саин-Булат, господству-

ет в Касимове, царевич Кайбула в Юрьеве, Ибак в Сурожи-ке, князья ногайские в Романове: все они свободно и торжественно славят Магомета в своих мечетях... В Кадоме, в Мещере многие приказные государевы люди мусульманско-го закона»¹⁵. «И в тех городах мусульманские веры люди по своему обычаю мизгити и кошени держат, и государь их ничем от их веры не нудит и мольбищ их не рушит»¹⁶. Массовое введение иностранцев в состав администрации, наплыв татар внутрь страны, тяжелые налоги в уплату контрибуции, отмежевание целого удела татарскому хану – все это должно было вызывать сильное недовольство среди русских людей. Построение же мечетей в русских городах при известном фанатизме местного населения вызывало особенное негодование. Проведение в жизнь договора, заключенного Василием в плену у казанцев, сопровождалось вспышкой народного возмущения. В числе недовольных были бояре, купцы и духовенство. Через 3 % месяца после введения нового режима Василий был низложен с престола и ослеплен; в вину ему ставилось – «зачем привел татар на Русскую землю, и города с волостями отдал им в кормление?»¹⁷. На поддержку Василия Темного двинулись царевичи Касим и Якуб, и в 1447 году великий князь был восстановлен на московском престоле. Договор бал осуществлен.

Профессор Вельяминов-Зернов относит самое основание Казанского ханства к моменту возвращения Мухаммеда из

похода 1445 года. Вельяминов-Зернов ссылается при этом на следующие мотивы: 1) В 1444 году хан Мухаммед, подступив к Нижнему, намерен был там зимовать. «Если бы хан имел столицей Казань, что за нужда была бы ему ходить в Нижний и искать зимовки? – пришел бы он просто воевать город, без всякой преднамеренной цели» (Т. I. С. 8–9); 2) известно, что Василий был освобожден из плена в Курмыше, а не в Казани, и потому сообщение Архангельской летописи, будто освобожденный из плена великий князь вернулся в Москву из Казани, следует считать ошибочным; точно так же сообщение Архангельской летописи о том, что царевичи Махмуд и Якуб весной 1445 года направились в поход из Казани, нужно признать, по мнению Вельяминов-Зернова, ошибочным (Т. I. С. 7); 3) в Царственном Летописце прямо сказано, что «из Белёва поиде царь [Улу Мухаммед] к Нову городу к Нижнему и засяде Нов город Нижний Старой. И тако много зла от него бываше, и из Нова города великий Василий Васильевич, и взя Крещение [праздник] во Владимире. И поиде противу его со всею братьею и со всеми людьми к Мурому: царь же Улумахмет слышав возвратися бегом к Нову городу к Нижнему к Старому, в нем же живяше». Вельяминов-Зернов говорит: «Здесь летописец прямо дает чувствовать, что, по его мнению, Улу Мухаммед с самого побега из Золотой Орды вплоть до весны 1445 года жил постоянно в Нижнем Новгороде» (с. 9).

Разберемся во всех этих доводах. Вельяминов-Зернов

спрашивает, зачем хан Мухаммед намеревался бы зимовать в Нижнем, если бы он жил постоянно в Казани? На это можно ответить предположением, что, начав поход осенью, хан думал продолжить его весной (что и случилось в действительности) и желал удержать за собой Нижний Новгород, как важную базу для наступления против Москвы. Напротив, странно было бы видеть в летописи особо отмеченным, что хан, по мнению Вельяминова-Зернова постоянно живший в Нижнем Новгороде, решил там перезимовать: это было бы простым, обычным явлением, не требовавшим никакого решения и не заслуживавшим особого упоминания.

Сообщение Архангельской летописи о том, что освобожденный из плена великий князь возвратился в Москву «из Казани», нужно понимать в том смысле, что он прибыл из казанского плена, был освобожден из-под власти казанцев.

Предположение Вельяминова-Зернова: «Изгнанный хан не избрал ли себе местопребыванием Нижний Новгород и не старался ли в нем укрепиться и создать себе столицу, о Казани вовсе не думая?» (с. 10) – не имеет никаких оснований. Из слов Царственного Летописца совершенно не видно, сколько времени прошло от того момента, когда хан «засяде Нов город Нижней Старой» до того, когда он «пойде к Мурому». Судя по летописям, хан пришел в Нижний лишь в 1444 году и «хоте ту зимовати»¹⁸. Предположение, что с 1427 по 1445 год хан Мухаммед постоянно жил в Нижнем в качестве эмигранта, с трехтысячным войском и здесь замыс-

лил поход на Россию, совершенно не подтверждается летописями; да и почему русское правительство, изгнавшее его из Белёва, позволило бы ему жить в Нижнем Новгороде? Такой поход, какой был предпринят в 1445 году, и те условия, которые он поставил России, могли быть реализованы лишь в том случае, если хан Мухаммед опирался на многочисленное население, доставлявшее ему обширный кадр войска, и имел пред собою широкие государственные задачи, с чем во все не согласуется то представление о бродячем авантюристе, которое дано Вельяминовым-Зерновым.

Личность Улу Мухаммеда, несмотря на скудость сохранившихся о нем известий, рисуется в качестве весьма выдающейся. Царствование его в Сарая было блестящим, и суверенитет над Россией был прочным и непрерывным. Принужденный оставить Сарай, он отправился в Крым и основал там независимое государство, самостоятельность которого была формально признана сарайским правительством. Вынужденный вторично покинуть престол, Улу Мухаммед не пал духом и вступил в пределы России. Одержавши победу над русскими у Белёва, он решил, по примеру Крымского ханства, отторгнуть от Сарая все Среднее Поволжье и основать там самостоятельное государство. Этот грандиозный замысел был выполнен им чрезвычайно успешно: ему удалось организовать могущественное государство и обеспечить его существование созданием крупной военной силы. Два похода против России были победоносны: в 1439 году

он дошел до самой Москвы, в 1445 году – до Суздаля, причем в открытом бою взял в плен самого московского государя. Россия платила ему тяжелую контрибуцию, и в русских городах были поселены татары. Мало того, ему удалось и в пределах России создать новое государство – ханство Касимовское, под властью своего сына Касима. Большой ум, громадная энергия и колоссальная предприимчивость характеризуют личность Улу Мухаммеда. Что касается других качеств этого хана, то из них русскими историками отмечено лишь «рыцарское поведение» Мухаммеда в 1430 году, когда он неодобрительно отнесся к нарушению клятвы татарским князем Хайдэром, который посредством обмана взял в плен мценского воеводу Григория Протасова¹⁹.

План основания Казанского ханства можно назвать гениальным, потому что хан Мухаммед понял особенность древнего культурного местного населения и, задумавши восстановить мусульманское государство в Среднем Поволжье, правильно оценил шансы на его прочное существование. Дальновидный проект был выполнен с огромным умением, и вновь созданное государство оказалось очень могущественным. Военный талант и организаторский гений основателя Казанского ханства дали ему возможность поставить величие государства сразу на должную высоту и достигнуть такой полноты верховенства над Россией, которая заставила считаться с Казанью более, чем с ханством Сарайским. Всем этим государство казанских татар было обязано Улу Мухам-

меду.

Преемники Улу Мухаммеда. Война 1467–1469 годов

Хан Мухаммед скончался вскоре после возвращения в Казань из Нижнего Новгорода. Он имел трех сыновей – Махмуда, Касима и Якуба. В 1445 году царевичи Махмуд и Якуб участвовали в русском походе, в 1446 году Касим и Якуб действуют с войском в России, оказывая поддержку Василию Темному. Касим остается в России в качестве удельного князя Мещерского Городка на Оке, Якуб упоминается под 1452 годом как участник русского похода на Вагу и Кокшеньгу²⁰.

После смерти Улу Мухаммеда на ханский престол вступил старший сын его Махмуд, которого источники иногда называют уменьшительным именем Махмутек. Будучи царевичем, Махмуд принимал видное участие в деятельности своего отца. Ему принадлежало главное командование в знаменитой Суздальской битве, в которой был взят в плен великий князь Московский Василий. Русские летописи часто упоминают Махмуда рядом с его отцом, и даже Белевскую победу некоторые летописцы приписывают не одному Мухаммеду, но «со сыном своим с Мамотяком»²¹.

Вельяминов-Зернов приписывает даже самое основание Казанского ханства Махмуду, а не Мухаммеду. С этим нельзя согласиться, так как если бы даже, становясь на точку зре-

ния Вельяминова-Зернова, допустить, что до 1445 года Улу Мухаммед и Махмуд жили не в Казани, а, например, в Нижнем Новгороде, то и в таком случае необходимо будет признать, что самостоятельное татарское государство в Среднем Поволжье в 1438–1445 годах уже существовало, и организатором его являлся хан Мухаммед.

«Казанский летописец» приводит совершенно невероятное сообщение об обстоятельствах, сопровождавших смерть Мухаммеда и восшествие на престол хана Махмуда: «Умре [Улу Мухаммед] в Казани с меньшим сыном своим Якупом, оба ножом резаны от большего сына его Мамотяка». Все русские авторы, писавшие о Казанском ханстве, считали необходимым повторять эту выдумку, и даже проф. Вельяминов-Зернов, который сам же отметил целый ряд несообразностей и прямых ошибок в этом рассказе «Казанского летописца», нашел возможным сказать: «Очень может быть, что самый факт убиения Улу-Мухаммеда, передаваемый в рассказе, верен. *Что-нибудь да случилось же с ханом* \ недаром же он исчезает в летописях совершенно, и место его заступает сын» (Т. I. С. 11). Исчезновение Мухаммеда со страниц летописи вполне объясняется его естественной смертью, так как хан был уже пожилым – у него было три взрослых сына, участвовавших в походах. Предполагать же убийство нет никаких оснований. Еще менее можно допустить заговор со стороны ханского сына. Зная приемы повествования «Казанского летописца», легко признать в этом сообщении об убий-

стве Махмудом отца одну из многочисленных выдумок автора. «Казанский летописец» с избытком пропитан фанатической ненавистью к казанцам и всячески старается представить их злобными дикарями и осмеять несчастья, в которые им приходилось иногда попадать. С большим удовольствием составитель «Казанского летописца» нагромождает нелепые вымыслы один на другой, стараясь намеренно поразить читателей зверством татар и смакуя смешные и нередко скабрёзные подробности, сочиненные им же самим. Вообще, это произведение относится скорее к отделу беллетристики, а не исторической наукообразной литературы. Повествуя о том, что хан Мухаммед с царевичем Якубом «оба ножом резаны от большего сына его Мамотяка», автор «Казанского летописца» не преминул добавить – «от скорпии змей остася». Искажение фактов обличается тем обстоятельством, что царевич Якуб был жив в течение ряда последующих лет и продолжал упоминаться в русских источниках. Профессор Вельяминов-Зернов сам признает, что «История о Казанском царстве» («Казанский летописец») – «источник, которым надо пользоваться с большою осторожностью. В ней рассказывается множество басен и небылиц; года часто перепутаны и происшествия искажены; автор, как видно, писал на память, мало заботясь о том, что у него выйдет из-под пера» (Т. I. С. 6), в частности, о царствовании Улу Мухаммеда он говорит: «В этом рассказе все происшествия перепутаны донельзя» (Т. I. С. 11). И тем не менее он на основании этого са-

мого рассказа нашел возможным высказать предположение, совершенно лишенное достаточных оснований: «Я себе объясняю дело так, что по освобождении Василия Улу Мухаммед, гордый одержанной победой над русскими, двинулся с Махмутеком из Курмыща на Казань. Махмутек же, побуждаемый честолюбием, решился убить отца и выполнил этот умысел» (Т. I. С. 11). По поводу появления в России царевичей Касима и Якуба он высказал также совершенно необоснованное предположение, что «по всей вероятности, царевичи бежали от Махмутека из опасения, чтобы он,

умертвив отца и брата, не убил и их» (Т. I. С. 13). В действительности же царевичи Касим и Якуб (будто бы бежавший от брата, который его уже умертвил!) находились в России для проведения в жизнь мирного договора и с той же целью принимали участие в восстановлении на престоле Василия Темного.

Обстоятельства царствования хана Махмута до сих пор совершенно еще неизвестны, так как русские летописи, сообщающие о войнах с Казанью, об этой мирной эпохе, в течение которой войн между русскими и казанцами не происходило, молчат. Из единственного русского документа, дошедшего до нас от этого времени и упоминающего о Казани, видно, что в 1455 году митрополит московский Иона посылал в Казань двух слуг с подарками – «рухлядью» (шубами, платьем, тканями и т. п.) и с письмом к казанскому вельможе Шаптяку, которого глава русской церкви называл «при-

ателем» и в униженном тоне просил его представительства пред ханом Махмудом. Н.П. Загоскин, цитирующий документ, говорит: «Ясно, что престиж Казани высоко стоял уже к началу второй половины XV века, если русскому иерарху представлялось целесообразным искать покровительства казанского сановника»²².

Мирные отношения между русскими и казанцами в течение всего царствования хана Махмуда ни разу не нарушались, и двадцатилетие 1446–1466 годов следует считать тем временем, в течение которого преимущественно окрепли торговые связи Казанского ханства с Россией и когда Казань стала окончательно центром международной торговли на Волге. Выгодный договор с русским правительством, заключенный в 1445 году, давал приток из России денежных средств, которые оставались в Казани и давали возможность расширять торговые предприятия. Ежегодный «выход» дани из России в Казань вливал в страну новые и новые капиталы – «дань эта была действительно выходом, ежегодным изъятием из народного обращения значительной части капитала, успевшего за это время накопиться в стране»²³. Казанцы стали усиленно развивать свою деятельность на поприще международной торговли, и город Казань стал первоклассным центром товарообмена в Восточной Европе. Сюда стекались товары и съезжались купцы из Средней Азии, Сибири, из Персии, Закавказья, со всего Поволжья и из России. Ежегодная ярмарка, происходившая в Казани, получила то же зна-

чение огромного международного рынка, какой раньше имела Булгарская ярмарка, а впоследствии получило Нижегородское «всероссийское торжище». Ярмарка собиралась летом, после спада полоёй воды, на песчаном волжском острове против Казани, который имел у русских название Гостиного острова. Здесь находились торговые помещения, амбары и склады, ежегодно затоплявшиеся весенним разливом.

Военное могущество Казанского ханства, составлявшее надежную гарантию спокойной торговли, привлекало сюда значительное число переселенцев. «Казанский летописец» отмечает, что «начаша сбиратися ко царю мнози варвары от различных стран, ото Златыя Орды и ото Асторохани, от Азуева и от Крыма, и нача изнемогати время то и Великая Орда Золотая, усиляти и укреплятися вместо Золоты Орды Казань новая орда»²⁴. В этот период, по всей вероятности, столица ханства особенно обогатилась, разрослась до размеров крупного города, стала многолюдным средоточием мусульманской культуры. В мирное царствование хана Махмуда должна была окончательно сформироваться структура Казанского ханства, сложиться и укрепнуть внутренний строй государства, и поэтому следует особенно пожалеть об отсутствии источников для изучения этой эпохи.

Хан Махмуд, еще царствовавший в 1461 году, скончался в 1460-х годах. Согласно обычаю, его вдова должна была выйти замуж за брата своего покойного мужа – царевича Касима, который жил в России в качестве удельного государя Ме-

щерского городка на Оке.

Хан Махмуд оставил двух сыновей – Халиля и Ибрагима. На престол вступил хан Халиль. Царствование его было очень непродолжительным, и обстоятельства его совсем неизвестны. Возникал даже вопрос о том, царствовал ли Халиль, существование которого засвидетельствовано присутствием его имени во всех старинных родословных ханов Казанских, но о котором не упоминается ни в одной из русских летописей. Однако о царствовании Халиля говорит Герберштейн²⁵, который называет Халиля Хелеалеком (Chelealeck), а также имя его значится в старинном татарском списке ханов Казанских, приведенном профессором Фуксом²⁶. Хан Халиль был женат на ногайской княжне Нур-Салтан, дочери князя Тимура.

В течение 1460-х годов среди руководящих слоев казанского населения обнаружилась дифференциация и наметилось образование двух политических направлений. В настоящее время, по недостатку источников и при неразработанности данного вопроса в научной литературе, еще невозможно определить главную линию этой дифференциации и выяснить характер политических направлений. Одно направление, по-видимому, поддерживало существовавший в то время государственный строй, другое имело значение оппозиции по отношению к правительственному направлению. Во главе оппозиции стоял князь Абдул-Мумин.

Хан Халиль скончался в 1467 году. Он умер бездетным, и

после его смерти ханом был провозглашен его брат Ибрагим. Согласно обычаю, вдова Халиля царица Нур-Салтан вышла замуж за Ибрагима, как за брата своего покойного мужа. Оппозиция воспользовалась переменою царствования, чтобы добиться влияния на государственные дела, и сделала попытку произвести переворот. Партия Абдул-Мумина выдвинула нового кандидата на ханский престол в лице царевича Касима, дяди Халиля и Ибрагима.

Борьба за престол была обусловлена обстоятельствами трех категорий – династическими соображениями, партийными направлениями внутри Казанского ханства и иностранным вмешательством со стороны русского правительства.

С точки зрения династических соображений это была борьба за власть между дядей и племянником, каких мы немало насчитываем и в истории удельной России. Это была борьба между «очередным» порядком правления и единонаследием верховной власти. Из сыновей Улу Мухаммеда старший, Махмуд, получил Казанское ханство, младший, Касим, был удельным государем в Мещере. По смерти Махмуда, естественно, был должен возникнуть вопрос, должен ли Касим передвинуться из своего удела на ханский престол. Если нам ничего не известно о возникновении такого вопроса при хане Халиле, то это может быть объяснено недостатком источников и кратковременностью самого царствования Халиля, в течение которого претензии Касима могли не успеть

проявиться. Смерть Халиля вновь поставила на очередь вопрос о престолонаследии, и царевич Касим выступил в качестве претендента. Династический характер борьбы, происшедшей между Касимом и Ибрагимом, до сих пор оставался не освещенным в литературе: русские историки, в том числе С.М. Соловьев и Вельяминов-Зернов, видели центр тяжести всей борьбы не в притязаниях Касима, а исключительно в партийной оппозиционности сообщников Абдул-Мумина. Карамзин склонен был уделять большую инициативу самому Касиму, который «имел сношения с вельможами казанскими», но он не обратил внимания на династическое соотношение Касима и Ибрагима, подчеркнув то обстоятельство, что последний был *пасынком* первого, а не то, что он был его *племянником*.

Партийные направления внутри Казанского ханства, возникшие в 1460-х годах, с трудом поддаются уяснению, за отсутствием прямых указаний в источниках. Если же попытаться представить себе характер политических направлений на основании их династических стремлений, то получится следующая картина. Царевич Касим жил далеко вне Казани, и его права на престол были чисто формальными; от него могли ждать чего-то нового в государственном управлении. Царевич же Ибрагим был пред глазами, и от него мы вправе ожидать большего знакомства с текущими делами Казанского ханства; устранить такого естественного кандидата могло быть выгодно лишь для тех, кто был недоволен

существующим строем и желал перемены режима с переходом власти к пришлому издалека и престарелому кандидату, неопытному в казанских делах. Вокруг Ибрагима, вероятно, объединились все те, кто был у власти в правлении Махмуда, – для них новое царствование представлялось непосредственным продолжением предыдущих, и они не имели в виду подвергать себя случайностям новой политики, которая исходила бы от хана, приехавшего в Казань из-за границы. Кандидатуру Касима должны были поддерживать те, кто имел основания ждать политических перемен и рассчитывал играть видную роль при новом правительстве, которое было бы обязано этой группе своею властью. Вельяминов-Зернов высказал мысль, что против Ибрагима были князья, им угнетаемые (с. 53). Если об угнетении со стороны Ибрагима, только что вступившего на престол, и не приходится говорить, то все же является очень правдоподобным, что к власти стремились лица, не удовлетворенные прежним режимом. Немногочисленность приверженцев Абдул-Мумина говорит в пользу того, что партийная дифференциация носила скорее личный, чем социальный характер. Искать каких-либо более глубоких, социальных причин расслоения высшего казанского общества данной эпохи нет достаточных оснований.

Кандидатура царевича Касима, жившего в пределах России, повлекла за собой вмешательство русского правительства в дела Казанского ханства. Правда, вначале это вмеша-

тельство было произведено осторожно, и иностранные вождения были искусно прикрыты династическими претензиями кандидата, но вскоре истинные намерения русских были разгаданы, и дело дошло до войны. Царевич Касим, бывший удельный князь в России, выступил в качестве претендента на казанский престол, опираясь не только на свое татарское войско, но также получивши поддержку от русского правительства. Не располагая в Мещерском уделе значительным войском, он обратился к московскому государю с просьбой дать в его распоряжение военный отряд. Русское правительство нашло целесообразным поддержать претендента и тем самым вмешаться во внутренние дела Казанского ханства.

Момент, когда русское правительство решило вмешаться в казанские дела, существенно отличался от эпохи суздальского поражения. В течение XV века сложилось окончательно великорусское государство, формирование которого сопровождалось быстрым усилением его центра – Москвы; политическое возвышение Московского государства возрастало с каждым десятилетием, и если в 1440-х годах мы видели Василия Темного татарским пленником и данником, то теперь, в 1460-х годах, на московском престоле сидел энергичный правитель, гениальный администратор и организатор великорусского государства, настойчиво стремившийся к присоединению зарубежной Руси и уверенно выступавший на широкое поле международной политики. Правительство

Ивана III, сменившее несчастного Василия Темного, развивало свою деятельность в совершенно новом, широком масштабе и в своем размахе опиралось на рост производительных сил страны, которая успела оправиться и окрепнуть после понесенного поражения. Иван III, вступивший на престол в 1462 году, вскоре же начал проявлять агрессивную политику по отношению к Казанскому ханству, и поддержка, оказанная царевичу Касиму, явилась первым шагом этой политики: в случае предоставления ханского престола царевичу, 20 лет прожившему в пределах России и бывшему, до некоторой степени, своим человеком, русское правительство, вероятно, надеялось достигнуть благоприятного для себя влияния на дела соседнего государства. С этого времени начинается новая фаза московско-казанских взаимоотношений: при хане Мухаммеде казанцы вели наступление против русских, при хане Махмуде оба соседних государства находились в состоянии взаимного равновесия и в мирных отношениях между собою, при Ибрагиме началось наступление против Казани, завершившееся через 85 лет разрушением Казанского ханства. Характер этого наступления постепенно видоизменялся и постоянно усиливался.

Вмешательство русского правительства в дела Казанского ханства, вызванное как будто незначительными династическими соображениями, настолько совпадало с видами русской великодержавной политики, что оказалось причиной серьезной войны между обоими государствами. Русские,

первые поднявшие оружие против казанцев, в течение этой войны вели энергичное наступление. В то время еще не могло быть и речи о стремлении русских к завоеванию Казанского ханства, и истинные цели их агрессивной политики вполне выяснились лишь через 20 лет, но наступательный характер их действий обнаружился совершенно определенно.

Первые шаги русских против Казани были неуверенны и довольно неудачны. Русское войско, данное на поддержку Касиму, встретило хорошо организованное сопротивление среди казанцев. Хану Ибрагиму без труда удалось объединить силы своего государства и дать дружный отпор вмешательству иностранцев. Оппозиция оказалась бессильной противодействовать подъему национального чувства, и, может быть, Касиму ничто не повредило так сильно, как поддержка, оказанная ему русским правительством. Когда русские вступили в пределы Казанского ханства, они были встречены казанским войском и не решились даже на попытку совершить переправу через Волгу. Перевес казанцев был настолько очевидным, что русский отряд после первой же встречи немедленно повернул обратно, и таким образом его поход окончился неудачно.

Борьба за престол была окончена, и сам претендент вскоре скончался, но казанское правительство хорошо разглядело стоявших за спиною Касима своих настоящих врагов и решило продолжить войну. Ввиду наступления осени хан

Ибрагим не пошел на Нижний Новгород и возвратился в Казань, но зимняя кампания все-таки состоялась. Казанцы наметили пунктом для нападения на Русскую землю город Галич. Казанский отряд разграбил окрестности Галича, но укрепленного города взять не смог. Русское правительство послало войска в пограничные города – Галич, Кострому, Нижний и Муром. Из Галича русские сделали ответное нападение на черемисскую территорию, входившую в состав Казанского ханства, жгли селения, грабили и убивали крестьян. Карамзин в следующих выражениях описывает те жестокости и разграбление, которые наносились русскими черемисам: «Россияне истребили все, чего не могли взять в добычу; резали скот и людей; жгли не только селения, но и бедных жителей, избирая любых в пленники». До Казани русские не добрались, да и что мог сделать небольшой отряд против укрепленной столицы? Набег на черемисских крестьян был не больше как карательной экспедицией, оплатою за нападение казанцев на Галич, и как будто иронией звучат слова Карамзина о том, что начальник отряда «без битвы пролив множество крови, возвратился с именем победителя».

Казанцы не остались в долгу. Против русских пограничных городов было послано войско. Удачнее всего были военные действия в северной полосе: на Галичском направлении казанцы продвинулись до реки Юга и взяли крепость Кичменгу, на Костромском направлении казанцы заняли две волости. Менее удачны были военные операции на южном

участке: на Нижегородском направлении казанцы потерпели урон, и князь Ходжум-Берде взят был в плен; на Муромском направлении наступление казанцев также было остановлено русскими.

Одновременно с операциями на Приволжском театре войны хлыновский военный отряд спустился по реке Вятке на Каму и начал действовать в тылу у казанцев, совершая нападения на купеческие суда на внутренних путях государства. Казанское правительство было вынуждено послать войско на север, чтобы обезвредить гнездо вятских ушкуйников. Казанцы выполнили эту задачу успешно – главный город Вятского края Хлынов был взят, и туда был назначен казанский наместник. Русский партизанский отряд вынужден был удалиться вверх по реке Каме и кружным путем, через Вычегду, достигнуть Устюжской земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.